

Это было на Бляве

В самом начале тридцатых годов в нескольких километрах от тихой, никому еще неведомой степной станции Блява, на безлесном плато Куян ("Заяц") было открыто крупное месторождение медного колчедана. А 11 мая 1933 г. нарком тяжелой промышленности Григорий Константинович Орджоникидзе подписал Постановление своего наркомата:

"В системе Главзолото создать ударное строительство комбината Блява..."

В конце мая на станцию Блява прибыл заместитель начальника новой стройки Горбунов. Он арендовал крестьянскую хату, поставил письменный стол, повесил у входа написанное от руки объявление: "Ударное строительство Блява. Бюро по найму рабочих". Сюда пошли люди, наслышанные о богатствах здешних мест. Ехали на глухую станцию из Пермской, Вятской, Ульяновской и других областей, из Средне-Волжского и Красноярского краев, из окрестных оренбургских и башкирских сел, из зауральских казахских аулов.

Это было начало очень крупной и важной стройки— одной из многих, которые разворачивала страна в годы индустриализации. Новый комбинат, новый город на Южном Урале, в Оренбуржье, родился в те же легендарные годы, что и Магнитка, Кузнецк, Комсомольск-на-Амуре. На новую стройку,— ее называли "Западной", поскольку располагалась она на запад от Орска, основного центра Орско-Халиловского промышленного района,— приехали ее руководители. Начальником строительства "Ормедьзолото" (Орский медно-золотой комбинат) был назначен Бронислав Юльевич Кудиш, главным инженером — Павел Павлович Евангулов, заместителем главного инженера — Георгий Константинович Маковский. Это были люди с интереснейшими биографиями, решительные, энергичные, талантливые, взаимно дополняющие друг друга.

Б.Ю. Кудиш— член партии с 1919 г., выпускник юридического факультета Московского университета, как тогда говорили, европейски образованный человек. До перехода в систему Наркомтяжпрома он был одним из первых советских дипломатов, работал вместе с Георгием Васильевичем Чичериным. "*Теперь,— писала тогда краевая газета,— партия послала его полпредом в этот затерявшийся в холмистой, сонной, нетронутой степи край меди и золота*".

Удивительно разносторонним человеком был выпускник Петроградского горного института П.П. Евангулов. Много читал, много знал, но постоянно занимался самообразованием. Любил беседовать с рабочими о науке и технике, литературе и искусстве. Зарекомендовал себя хорошим организатором, умел увлечь, сплотить людей. До приезда на Бляву имел уже двадцатилетний опыт работы в рудничном деле, в цветной металлургии.

Еще в 1913 г. Павел Павлович проходил производственную практику на золотых приисках Якутии, потом руководил проходкой шахты в Кузбассе,

работал в Высшем Совете Народного Хозяйства. В 1925 г., когда проблемы электрификации овладели всей страной, было зарегистрировано изобретение П.П. Евангулова: "Дампа накаливания с двумя нитями", которая давала возможность регулирования яркости освещения.

Когда надо было укрепить Центральный научно-исследовательский институт цветной металлургии, его направили туда начальником горного сектора. Именно там, в Гинцветмете, увидел он образцы блявинской руды, познакомился с ее характеристиками. Павел Павлович пошел на прием к Г.К. Орджоникидзе и попросил направить его на практическую работу. Разговор зашел о Блявинской руде, о возможности организации впервые в нашей стране производства газовой серы... Через неделю Евангулов был назначен главным инженером строительства в Бляве, в двухстах двадцати километрах к востоку от Оренбурга.

Это был жизнерадостный, наделенный природным чувством юмора человек. В нечастые минуты отдыха с удовольствием играл на скрипке, увлекался спортом — футболом, теннисом, шахматами, — устраивал веселые, запоминающиеся поездки в Губерлинские горы, на Урал, на Сакмару. Правда, только на первых порах, потом было уже не до этого...

Разносторонне талантливым был и заместитель Евангулова — инженер-металлург Георгий Константинович Маковский, внук известного русского художника и сын архитектора. Одно это уже говорит о том, в какой атмосфере рос и воспитывался мальчик. В 1917 г. Георгий поступил в Петроградскую консерваторию по классу рояля (тут сказалось влияние матери, Нины Александровны), хотя мог стать и прекрасным художником, — и для того и для другого у него были все данные. Но жизнь порой круто меняет судьбы людей.

Отгремела гражданская война, страна все увереннее выходила из разрухи, начинала возводить заводы и электростанции. И специалисты ей требовались до крайности. В этих обстоятельствах Георгий делает неожиданный выбор: уходит с третьего курса консерватории и сдает экзамены в Петроградский горный институт. В 1926 г. группу молодых инженеров, защитивших дипломы с отличием, — в том числе и Георгия Маковского, — командировали в Америку для ознакомления с работой тамошних предприятий цветной металлургии.

После возвращения на родину молодой горный инженер написал отчет о командировке: "Электролитическое получение цинка из руд в Америке (САСШ и Канаде)". Отчет был написан столь обстоятельно и профессионально, что ленинградский Гипромез признал полезным издать его (и издал — отдельной брошюрой). Окрыленным уехал Георгий Константинович на свое первое рабочее место: в Горный Алтай, в городок Риддер (ныне Лениногорск), на здешний свинцовый завод. Поработал тут два года и был назначен главным инженером комбината "Казредазполиметалл".

Как говорилось в выданной ему характеристике, *"квалифицированная, энергичная работа тов. Маковского главным инженером комбината во многом способствовала быстрейшему окончанию строительства и пуску в эксплуатацию в 1934 г. горно-обогатительных предприятий и первенца цветной металлургии Казахстана Чимкентского свинцового завода — самого крупного в Европе"*. В 1939 г. Чимкентский завод был отмечен высокой наградой — орденом Ленина.

В 1935 г. по решению Наркомтяжпрома Г.К. Маковского переводят на строительство крупного Блявинского комбината "Ормедьзолото" на должность заместителя главного инженера. Этот комбинат был особенно интересен Маковскому тем, что тут впервые в Советском Союзе предстояло применить технологию одновременного получения меди и элементарной серы, лицензия на которую была приобретена Наркомтяжпромом у норвежской фирмы Оркла-Грубе.

Сразу же после приезда на место, Георгию Константиновичу пришлось возглавить проектирование комбината, поскольку был назначен— по совместительству— и главным инженером проекта. С группой блявинских инженеров он отправился в Норвегию, в городок Темсховен, где размещались завод и рудники фирмы Оркла-Грубе. Работали плотно, и через несколько месяцев вернулись на Бляву, в совершенстве освоив тонкости новой технологии и с почти готовым проектом медеплавильного и химического цехов.

Маковский был всесторонне развитым человеком, он знал одиннадцать языков, был прекрасным пианистом. На Бляве, на 10-м разъезде, сложилось удачное трио: Павел Павлович Евангулов— скрипач, Георгий Константинович Маковский— пианист, нашелся и виолончелист. Так что иногда удавалось устраивать концерты для публики— строителей комбината.

Стройка начиналась трудно. Почти все земляные, да и другие работы выполняли вручную. На всю промышленную площадку был только один паровой экскаватор небольшой мощности и несколько грузовичков. Так что преимущественно использовался гужевой транспорт (строители казахи работали со своими верблюдами).

Особенно тяжело приходилось с жильем. Бараки не успевали строить. В этих временных жилищах пришлось устанавливать двух, а кое-где и трехэтажные топчаны.

Оренбургский поэт Александр Возняк, не раз бывавший на Блявинской стройке, так писал о тех трудных днях:

Хлеб приходилось рубить топором
И греть у костра застывавшие руки,
И слушать, как дико поет за окном
Метель ветровая несчетные сутки.
Кто мог бы поверить, что в этом краю
Спящих метелей, багряных закатов,
На синих горах рудники запоеют,
А в дымной долине— цеха комбината.

Да, поверить в это было непросто. И тем не менее, к началу 1937 г. тут был выполнен огромный объем строительных и монтажных работ. Поднялись над плоскогорьем копры шахт. Была пробита почти двухкилометровая штольня к рудному телу. Блявинский рудник стал отправлять медный колчедан заводам Урала. Завершалось строительство опытного завода, на котором предстояло отработать технологию выплавки меди и получения впервые в нашей стране газовой серы. Поднимались в долине Блявы корпуса комбината.

Своим рождением Блявинский медно-серный комбинат и будущий город Медногорск во многом обязаны народному комиссару тяжелой промышленности Григорию Константиновичу Орджоникидзе. Именно он после изучения представленных материалов подписал Постановление Наркомтяжпрома о создании новой ударной стройки в отрогах Южного Урала. Он пристально следил за ходом строительства, помогал, неоднократно встречался с инженерами и руководителями блявинской стройки, последний раз— буквально накануне своей трагической гибели. Орджоникидзе был одним из самых любимых руководителей в стране, так же, как и его лучший друг Сергей Миронович Киров.

Шефами стройки были крупные специалисты— заместители Орджоникидзе Георгий Леонидович Пятаков и Александр Павлович Сербовский.

В Медногорском городском музее есть фотокопия Постановления Наркомтяжпрома о Бляве. В нем— восемь пунктов, в фотокопии же семь, — один из пунктов был в свое время надолго и умышленно пропущен. А в нем шла речь о том, что Наркомат получает руководить Блявинской стройкой тов. Пятакову Г.Л.— одно время и комбинат, и поселок, и железнодорож-

ный разезд носили имя Пятакова. Но 22 августа 1936 г. прокурор СССР А.Я. Вышинский, выступая на судебном процессе по делу “объединенного троцкистского центра”, сказал о том, что, учитывая показания подсудимых, он распорядился приступить к расследованию в отношении Пятакова.

Речь Вышинского была опубликована в газетах. На Бляве отреагировали немедленно: в тот же день, когда пришли газеты с речью Вышинского, собрали митинг и приняли решение снять имя Пятакова с вывески комбината, вернуть поселку и разъезду прежние названия— поселок Десятого разъезда и разъезд десятый Оренбургской железной дороги; в служебных кабинетах повсюду, где они были, снимали портреты Георгия Леонидовича.

Однако, когда в конце августа на Бляву приехал Александр Павлович Серебровский, его такая самодетельность возмутила. Вызвав директора рудника Бориса Марковича Цивина, который организовал митинг, он строго спросил:

— Это ты являешься законопершиком снятия имени и портретов Пятакова?

— Так этого требует речь Вышинского.

— А ты знаешь, что это может сделать только ЦИК?

На совещании инженерно-технических работников Блявинского комбината Серебровский решительно выступил в защиту Пятакова. Он пояснил, что пока вина Пятакова не доказана, что следствие еще ведется, хотя многие пытаются впутать его в дела троцкистов.

Вывески с именем Пятакова и его портреты водворили на свои места. Но Серебровский через день уехал. А спустя две недели, в ночь на 12 сентября, Г.Л. Пятаков был арестован. В конце января 1937 г. он и другие руководящие работники системы Наркомтяжпрома (а вместе с ними и известный журналист Карл Радек) были приговорены к высшей мере наказания, их имена надолго исчезли из истории. А 18 февраля 1937 г. после бурного объяснения со Сталиным в связи с массовыми арестами застрелился Григорий Константинович Орджоникидзе.

На Бляве же дела шли в хорошем деловом темпе. Уже в третьем квартале 1937 г. намечался пуск первой секции медно-серного комбината, а в первом квартале 1938 г.— второй.

Но юбилейный 1937 г. стал для нашей страны и для Оренбуржья годом величайшей трагедии. Еще в конце 1936 г., 23 декабря был арестован Уполномоченный Наркомтяжпрома по стройкам Орско-Халиловского промышленного района, член партии большевиков с 1904 г. Сергей Миронович Франкфурт— один из тех, кого потом, спустя десятилетия, назвали капитанами советской индустрии. Затем были арестованы секретари Орского горкома партии Александр Ефимович Цвилюховский и Иван Александрович Золотов. Начались репрессии в Оренбурге.

23 и 24 марта 1937 г. в Кувандыке состоялось собрание партийного актива (коммунисты строительства “Ормедьзолото” входили тогда в состав районной партийной организации— В.А.)

Выступавший на собрании Бронислав Юльевич Кудиш рассказал о делах на стройке, а потом неосторожно пошутил, заявив, что вот говорят, что везде враги, везде вредители, а у нас ничего этого нет, мы на Бляве стойко и настойчиво строим для страны огромный комбинат и новый социалистический город (Кудиш не знал о том, что в Москве еще 17 февраля арестован Г.К. Маковский).

И тут началось. Речь Кудиша сразу же назвали антипартийной, его обвинили в притуплении бдительности, в “создании текучести кадров”, в том, что по его инициативе комбинату, разъезду и поселку— будущему городу— присвоено имя Пятакова... Почти каждый выступавший считал своим долгом привести хоть какой-то мелкий факт, компрометирующий Кудиша. Горячие головы стали требовать немедленного освобождения Кудиша от работы, исключения из партии, предания суду. Особенно изощрялся, за-

давал тон секретарь Кувандыкского райкома партии Г.Т. Степаненко. На собрании партактива было решено срочно провести на стройке партсобрание и решить вопрос о партийности Кудиша.

Бронислав Юльевич не стал дожидаться своей участи. Он хорошо понимал, чем это ему грозит. Вернувшись поздно ночью домой на 10-й разъезд, он тут же предупредил дежурившего пилота, чтобы готовился к срочному вылету в Москву. В четыре часа ночи он заехал к секретарю парткома стройки Иванову и попросил отметить в партбилете уплату членских взносов. “Видимо, мне придется пройти в ЦК ВКП(б)”, — сказал он парторгу. Рано утром на рассвете, передав дела главному строителю Георгию Александровичу Кузьмину-Караваеву, Кудиш улетел в столицу, искать защиты в Наркомтяжпроме. Уже не было Орджоникидзе — он застрелился еще 18 февраля 1937 г., делами ведал его заместитель — шеф Блявинской стройки Александр Павлович Серебровский, которого Владимир Ильич Ленин назвал однажды “ценнейшим работником”.

Серебровский пытался поддержать опытного руководителя, начинавшего важную стройку, как говорят, с первого колышка, так много сделавшего для того, чтобы уже в ближайшие месяцы Блявинский комбинат начал выдавать продукцию. Но он уже ничем не мог помочь Кудишу.

9 апреля бюро Оренбургского обкома партии приняло постановление “О вредительской деятельности троцкистов на “Ормедьзолото”:

“Кудиша Б.Ю., арестованного в настоящее время органами НКВД, из партии исключить.”

Т. Иванова снять с должности секретаря парткома и вопрос о его партийности передать на обсуждение парторганизации стройки.

Обязать вновь назначенного начальника ОМЗ тов. Дук К.И. в краткий срок провести практические меры по ликвидации последствий вредительства.

Довести до сведения ЦК ВКП(б), что тов. Серебровский А.П. необоснованной поддержкой Кудиша затруднил его своевременное разоблачение.”

Кудиша арестовали в Москве 30 марта 1937 г. Через полгода взяли и старого большевика, члена партии с 1903 г. Александра Павловича Серебровского. всего за четыре дня до ареста назначенного наркомом тяжелой промышленности, с чем его по телефону поздравил Сталин. Серебровский был болен, 26 сентября его увезли из больницы во внутреннюю тюрьму на Лубянке на носилках. Домой он не вернулся.

Когда Кудиша везли в Оренбург, он исхитрился выбросить по пути записку жене. У Солженицына в “Архипелаге Гулаг” прочитал такие строки: “*Девяносто пять из ста, что письмо ваше не дойдет... Иногда такие письма доходят — доплатные, стершиеся, размытые, измятые, но с четким всплеском горя...*” В эти крохотные пять процентов попала записка Кудиша. Нашлись добрые и смелые люди, которые, подняв записку, отправили ее по указанному адресу жене Елене Романовне. Кудиш писал о том, что его били и принудили все подписать, но он ни в чем не виноват, просил жену еще раз сходить к Серебровскому...

Работая в архиве, обнаружил документ, из которого видно, что первый доклад на Кудиша был написан еще за месяц до того собрания актива:

“Выявить всех врагов можно будет тогда, когда будешь прислушиваться к массам. Кудиш не такого склада человек, который способен это делать, — писал член партколлегии Павлин. — Я ставлю вопрос о снятии с работы и исключении из партии т.Кудиш”.

...На Блявинской стройке были арестованы главный строитель Георгий Александрович Кузьмин-Караваев, горный инженер, метростроитель, руководитель проходки штольни, которую даже иностранные специалисты считали образцовой, Борис Андреевич Шейкин, директор рудника Арменик

Николаевич Параньян, начальник спецотдела “Ормедьзолото” Иван Васильевич Чернобривенко, старший прораб Матвей Федорович Завьялов, начальник эксплуатации заводской железнодорожной ветки Александр Алексеевич Антипин, талантливый инженер Леонид Владимирович Вегнер, прораб Назар Михайлович Ужвий, начальник планово-экономического отдела Яков Аркадьевич Монт, механик рудника Вениамин Александрович Ляпунов, директор рудника Борис Маркович Цивин, помощник начальника ОМЗ по строительству Георгий Михайлович Трошко, начальник планово-экономического сектора Алексей Алексеевич Самсонов и другие руководители, всего двадцать человек. Дольше других продержался Павел Павлович Евангулов— он был на стройке настолько уважаемым человеком, что на него не решались писать донос.

Дочь Евангулова Женя жила и училась в Москве. Приближались выпускные экзамены в школе. И в это время девочка заболела малярией. Нина Васильевна уехала к дочери. Страшно волнуясь за судьбу мужа, договорилась перед отъездом с соседкой— женой прораба Малышева, что в случае ареста она даст знать условленным заранее текстом.

23 мая семья Евангулова получила страшную телеграмму, в которой было всего лишь два, на первый взгляд совершенно безобидных слова: “Купите кофточку”.

...В воскресенье 23 мая на стройке был общий выходной день. Накануне, с вечера Павел Павлович распорядился приготовить для него оседланную лошадь— с утра хотел объехать всю, раскинувшуюся на многие километры стройку, потом проехать по живописной долине Кураганки в горы, куда раньше иногда удавалось поехать с женой и дочерью, с друзьями. Может быть, в последний раз—отгонял от себя эту мысль, но она навязчиво возвращалась к нему снова и снова.

Спать не хотелось. Попробовал читать, не читалось. Одолевали тяжелые думы. Что происходит в Орске? Что происходит на Бляве? Одного за другим увозят товарищей по работе. Утром прибежала зареванная Зоя Шейкина. Ночью арестовали Бориса Андреевича. Еле успокоил ее... И хотя не чувствовал за собой никакой вины, с тревогой прислушивался к ночной тишине.

Во втором часу Павел Павлович выключил свет, постоял у окна, посмотрел на пустынную улицу. Было одиноко и тоскливо. Прилег на диванчик. Ветер раскачивал фонарь на улице, и световое пятно, расчерченное оконным переплетом, перекачивалось по полу. Не заметил, как задремал, а потом уснул так крепко, что не услышал, как подъехала машина.

Вздрогнул от стука в дверь. Подошел, сдерживая волнение, спросил: “Кто?”— хотя уже понял, кто это может быть.

Услышал знакомый и такой домашний голос Теремякина. С уполномоченным НКВД на Бляве они не раз беседовали о литературе, он брал у Евангулова почитать книги, интересовался делами на стройке.

— Павел Павлович, откройте, пожалуйста...

Вместе с Теремякиным вошли начальник Кувандыкского райотдела НКВД Селютин, молодой сотрудник и двое местных— понятия. Селютин расстегнул планшетку, протянул две бумаги— стандартные бланки с печатями. Ордер на обыск... Ордер на арест...

Обыск ничего не дал. Скоро Евангулова увели. С первым же поездом его отправили в Оренбург.

...Спустя несколько дней арестовали и Теремякина. За то, что не прислушивался к “сигналам”, не давал ходу доносам, проглядел блявинское “троцкистско-террористическое подполье”.

Той же ночью в московской квартире Евангуловых в десятиэтажном доме Наркомтяжпрома на Чистых прудах в Ананьевском переулке был произведен

обыск. Три комнаты с конфискованными вещами опечатали, оставили только одну и самое необходимое.

Нина Васильевна смотрела, как бесцеремонно копались в их вещах чужие люди и вспоминала последние слова Евангулова при прощании на 10-м разъезде.

— Двадцать лет, Нина, мы прожили с тобой легко, — сказал он и неожиданно добавил: — Посадили бы нас вместе, и тогда ничего не было бы страшно и на все наплевать...

Что делать? Как жить? Как помочь Павлу Павловичу? На семейном совете дедушка Павел Георгиевич предложил отправить Женю в Ленинград к своему брату — профессору Технологического института Михаилу Георгиевичу Евангулову, а Нина Васильевна срочно ехать в Оренбург, поддерживать мужа. Так и сделали. Чтобы было на что жить и покупать продукты для передач в тюрьму, Нина Васильевна продала свою шубу, посуду, библиотеку, которую собирали всю жизнь.

Когда уезжала, в их подъезде на всех этажах осталось лишь несколько неопечатанных квартир. Так же было и в других подъездах. Многих увели отсюда в те весенние ночи. Огромный дом, сверкавший огнями, опустел, стал темным, лишь кое-где одиноко светились окна.

Перед отправкой в Оренбург 23 мая 1937 г. Евангулов сумел послать с разъезда письмо матери Елизавете Ефимовне. Поспешно написанные про- стым карандашом строки:

“Ты, быть может, очень удивишься, — писал Павел Павлович с присущим ему оптимизмом, — если я тебе скажу, что чувствую себя почти превосходно. Между тем я сижу на вокзале и жду поезда, который меня отвезет в Оренбургскую тюрьму (не бойся этого страшного слова). Во-первых, у меня сразу стало бремя ответственности за огромное наше предприятие. Во-вторых, ко мне очень любезно все отнеслись — те, кто обыскивал и кто арестовывал. В-третьих, ... не надо и говорить, что я чист, как новорожденный младенец. Единственная тревога за дело... Во-вторых, тревога за тебя.

Передай всем привет и абсолютно обо мне не беспокойся, говорю совершенно серьезно. Все это ерунда! Не жду особенно раннего освобождения — ведь надо разобраться во всякой подлости, которую на меня могут нагородить, но все в конце концов будет в порядке.

Мысль тебя увидеть и обнять — первая, которая меня в любых условиях поддержит. Вторая мысль, что снова я буду работать для нашей Родины, хотя она сейчас для меня и сделалась вроде мачехи — но это на время.”

Он и предположить не мог, что его ждет, что предстоит вынести. В Оренбурге закрытая машина с надписью на борту фургона “Хлеб”, окрещенная в народе “черным вороном”, въехала через ворота на Соляном переулке во внутренний двор здания НКВД. Гулко захлопнулись железные ворота. Выполнены формальности передачи, и вот Евангулов уже в одной из многочисленных камер во внутренней тюрьме, созданной в глубоких подвалах массивного здания, построенного миллионерами братьями Ахметом и Махмудом Хусаиновыми.

Огромный, поистине миллионерский, двухэтажный (третий этаж был надстроен позднее) доходный дом с причудливыми башенками был возведен в центре города. Тут Хусаиновы основали гостиницу. Назвали ее “Американской”. Останавливались здесь гости именитые — номера были дороги. Одно крыло здания, построенного в виде буквы П, выходило на Гостинодворскую (сейчас Кирова), другое на Соляной переулоч. Средняя часть с парадным подъездом и вывеской аршинными буквами почти во всю длину главного фасада — на Госпитальную (ныне — 9 января). И так же буквой П

шли подвалы под толстыми перекрытиями. Позднее в тыльной части здания возвели еще одно строение, которое замкнуло, отгородило внутренний двор от мира. Сюда по ночам узников выводили на прогулки.

В бывших складских помещениях, которые шли справа и слева от общего коридора обили железом двери, просверлили глазки, прорезали “кормушки”— окошечки для передачи пищи, навесили тяжелые амбарные замки. Вверху под потолком зарешеченные окна. Там, сверху по всему периметру здания по отгороженной от тротуара полосе ходили часовые. Через глазки бдительные стражи строго следили за тем, чтобы заключенные днем не ложились спать. Если учесть, что допросы шли в основном ночью, то это тоже была одна из изощренных пыток.

Камеры были разного размера; создавая подвалы для хозяйственных надобностей постояльцев, Хусаиновы и подумать не могли, что когда-либо тут может быть страшная тюрьма, через которую пройдут тысячи советских людей, в подавляющем большинстве своем ни в чем не повинных. Многие камеры имели восемь шагов в длину, три в ширину.

Между тюремными коридорами, выходящими на улицу Кирова и в Соляной переулок, был пробит подземный переход и там устроен отсек для приведения в исполнение смертных приговоров. А чтобы не доносились оттуда выстрелы и предсмертные крики жертв, включали мощный двигатель, и он заглушал все.

Однажды мы, члены общества “Мемориал”, побывали тут— чекисты показали нам помещения бывшей внутренней тюрьмы, которая давно уже, несколько десятилетий назад, была возвращена в свое первобытное состояние, т.е. вновь стала складом.

... В самый разгар строительных и монтажных работ, когда уже зримо виделись приметы предпрудского периода, Блявинская стройка осталась без административного и технического руководства. Коллектив лихорадило. Шло разоблачение все новых и новых “врагов”. Вновь назначенный начальником стройки Константин Иванович Дук продержался всего несколько месяцев и был арестован. На этот пост был выдвинут начальник 405-го горизонта рудника инженер Николай Андреевич Кулешов. Его постигла та же участь.

Обвинения были стандартные: вредительское затягивание сроков строительства и пуска комбината, затопление шахт кислотными водами, нанесение материального ущерба путем беспланового строительства (это были такие нужные объекты — жилье, больница, школа— В.А.) и самое тяжелое и нелепое с современных позиций— подготовка к взрыву завода и рудника в случае войны. Были и исключения. Кудиш в годы дипломатической службы бывал за рубежом, Маковский побывал в командировках в Соединенных Штатах, Канаде, Швеции, Норвегии, Кузьмин-Караваев работал на английской концессии “Лена-Голдфилдс”,— стало быть, вне всяких сомнений, шпионы. Из-за халатности обвалились леса на строительстве водонапорной башни— происки вредителей, в частности прораба “Союзводстроя” Владимира Корнеевича Шевченко. Вышли из строя насосы, откачивающие агрессивные кислотные воды— вражеская вылазка Евангулова и Шейкина и так далее и тому подобное.

На Бляве началась вакханалия доносов и арестов. Теперь уже брали руководителей ниже рангом и рядовых рабочих. Были арестованы прораб по монтажу Алексей Иванович Веткасов, уполномоченный Блявинского строительства в Оренбурге Николай Фридрихович Мерц, начальник строительства центральной электростанции Иосиф Сидорович Добрышман, плотник Григорий Назарович Хадыкин, работница столовой на 10-м разъезде Зоя Лаврентьевна Антипова, нарядчик Болеслав Карлович Скиндер, столяр Иван Петрович Леонов и многие другие.

Освобожденные от работы прямые виновники аварии в штольне— сменный инженер Огарева и помощник начальника взрывных работ Снегов на-

писали злобное письмо на 15 страницах, поливали грязью “еще не посаженных врагов”. Среди тех, кого они оклеветали, зная, чем это кончится, были начальник строительства Кулешов, директор рудника Зоненко, инженеры Вегнер, Качурин, Шейкин, Цивин. Я читал этот донос. Каждая строка его пышет ненавистью к “вредителям”. Или вот “письмо” десятника Дряглина, написанное 10 января 1937 г.:

“Как член правящей партии рабочего класса и колхозного крестьянства, я четыре месяца уже работаю в ОМЗ, у меня все больше растет и укрепляется недоверие к инженерно-административному и хозяйственному руководству, в частности, Караваяеву, Завьялову, Голубеву, Млаусу, Торошко и других... в том, что они проводят самую тонкую политику вредительства”.

За четыре месяца работы он не узнал толком имена людей, переврал две фамилии, но зато сумел распознать в них “вредителей”. Видимо, опасаясь, что его “письмо” не достигнет цели, он переписал его еще раз и направил копию в другой адрес.

“В Бюле разоблачены не все вредители”, — писала практикантка — студентка Горного института Поспелова. И дальше шел список. Первой стояла фамилия Н.А. Кулешова.

По таким доносам, по таким “писмам” освобождали от работы, исключали из партии, арестовывали и уничтожали честных, добросовестных людей, “последней банды Кудиша”, “охвостья Кудиша”, как писали тогда газеты.

Парторг участка Жмакин заявил комсомольцу Куватову, когда тот попросил у него анкету для вступления кандидатом в члены партии: *“Нам некогда сейчас принимать в партию, мы заняты разоблачением врагов народа”*. Это не злой анекдот. Так было. И об этом писала Кувандыкская районная газета 20 июля 1937 год.

Оставшаяся практически без квалифицированного руководства стройка сбилась с хорошего ударного ритма. План 1937 г. был завален. Так и не смогли завершить сооружение опытного завода. Тяжело работалось и в 1938 г. Теперь все недостатки, присущие в общем-то любой крупной стройке, объясняли одним — действиями вредителей, последствиями вражеской деятельности Кудиша и его ставленников. Вместо третьего квартала 1937 г. медно-серный комбинат начал выдавать продукцию только почти через полтора года — в феврале 1939 года.

... Нина Васильевна Евангулова и Зоя Федоровна Шейкина, которая тоже приехала в Оренбург, каждый день приходили на Соляной переулок, туда, где недалеко от ворот на двери здания НКВД была табличка: “Бюро пропусков”. Стояли в очереди, а когда доходили до окошка, просили, умоляли разрешить свидание с мужьями. Получали неизменный отказ. Принимали только передачи и никаких записок ни туда, ни обратно. И только 2 сентября 1937 г. было разрешено короткое трехминутное свидание. Увидели своих мужей изможденных, осунувшихся, похуевших. И подумать тогда не могли, что видят их в последний раз.

Когда Евангулова и Шейкина увели, вышел “какой-то тип”, как писала в своих воспоминаниях Нина Васильевна, и сказал:

— Теперь поделите свои передачи на две части.

— А зачем?

— Вы тоже арестованы, — сказал он и протянул бумаги, — вот ордера на ваш арест...

Их отвезли в женскую тюрьму, она была на улице Горького. Попали в камеру, в которой оказались жены Кудиша и Маковского, “седая дама” — жена адъютанта Николая Второго, сестра Керенского и старушка — княгиня Оболенская. Они были высланы в Оренбург после убийства Кирова.

Потом их увезли куда-то в степь, в лагерь в поселке с таким хорошим названием “Парижская коммуна”. Начались допросы. Следователь требовал признаться, что муж — троцкист и вредитель. Нина Васильевна с возмущением отрицала эту гнусную напраслину. *“Подписала только тогда, когда*

"тип" объявил, что сюда привезут и мою дочь, а уже у многих забрали детей и тоже посадили. Я подумала: если мы с отцом пропали, то дочь тянуть за собой нельзя".

Суда не было, но через какое-то время объявили: по восемь лет лагерей без права переписки. Нину Васильевну Евангулову, Зою Федоровну Шейкину, Нину Александровну Маковскую и Елену Романовну Кудиш отправили в затерянные в лесах на северо-западе Мордовии Темниковские лагеря. Здесь, за несколькими рядами колючей проволоки и высоким забором отбывали свой срок жены политических заключенных. Потом перевели в холодную Сегежу, в Карелию, на Беломорско-Балтийский канал. Когда началась война и фронт стал угрожающе быстро приближаться к тем местам, спешно погрузили в теплушки и отправили в Казахстан, в район Караганды, на "корабль" — так называли центральный пункт лагерей для "жен изменников Родины".

...Три года не было никаких вестей от сына, и Елизавета Ефимовна Евангулова, не добившись никаких сообщений о его судьбе, решила написать лично Сталину. В семье сохранился черновик этого потрясающего документа. Невозможно читать без глубокого волнения эти строки, за каждой из которых долгие дни и ночи страдания:

"Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Измученная горем, позволяю себе обратиться к Вам с нижеизложенной просьбой. Мне 73 года. Будучи уроженкой Петербурга, я с большим трудом получила звание учительницы народной школы и полжизни занималась этим делом, работала в воскресных школах г. Батума, потом Нижнего Новгорода.

Сын мой Павел Павлович Евангулов в 1917 г. окончил горный институт, поступил на Советскую службу. Покойный т. Орджоникидзе хорошо знал его и в 1933 г. пригласил его на новую стройку в Оренбургскую губернию, на работу главным инженером стройки. До 1937 г. сын мой трудился изо всех сил, добросовестно и честно. Стройка возрастала и была близка к блестящему окончанию.

Сын мой был мне не только сыном, но и другом — я знала его каждый шаг. Прилагаю здесь копии его писем в период стройки. Он изнемогал от трудов. Он получал благодарности, о нем писал в местных газетах тов. Горкин... Не было никаких оснований считать его за врага своей любимой Родины. Как вдруг 1937 года мая месяца я получаю от него (прилагаемое) письмо, что он арестован и что его везут в тюрьму. Но что так как он совершенно ни в чем не виноват, то он спокоен и знает, что недоразумение выяснится. И вот уже 3 года о нем никаких сведений — в чем его обвиняют, кто его судил, куда он делся, жив ли он?

Я умоляю Вас прийти мне на помощь. Я уже на пороге смерти, горе покорило меня, но все же я знаю, что мы с моим сыном всегда были и есть истинные дети своей Родины и никогда, никогда не способны сделать подлость по отношению к нашей стране.

Правда, сын мой не был партийным, но его всегда звали беспартийным большевиком. Обратитесь к тов. Горкину за справкой — я думаю, что он не откажется дать о нем отзыв, поскольку он был знаком с ним. Умоляю ради всего, что дорого Вам, ради покойного тов. Ленина, ради Вашей матери, помогите мне, дайте мне умереть с сознанием, что несправедливости нет в нашей стране, как было прежде, что это только страшная ошибка и что Вы скоро выясните ее своей властью...

Остаюсь в надежде на Ваше правосудие и Ваше Милосердие

Е. Е. Евангулова".

Это письмо было послано летом 1940 года. Вряд ли читал его "великий вождь и учитель". Ему было не до того. Он, как и блявинский Жмакин был "занят разоблачением врагов народа", правда, в масштабе огромной

страны. Но даже, если это письмо и дошло до именитого адресата, а тогда таких писем много приходило со всех концов советского государства, то наивно было надеяться на правосудие и милосердие человека, который уничтожил старых большевиков, тех, кто совершил революцию, уничтожил своих соратников, которые вольно или невольно помогли ему стать неограниченным тираном, сосредоточившим в своих руках колоссальную власть, уничтожил прославленных полководцев, хотя война стояла у порога. Но мать ждала ответа, верила, надеялась. Она так и умерла, ничего не узнав о трагической судьбе сына.

К прошению на имя Сталина было приложено несколько писем Павла Павловича Евангулова. Чтобы лучше понять, увидеть этого, буквально влюбленного в свою блявинскую стройку человека, приведем строки из одного только письма:

“Дела стройки хороши. Ходишь и дивишься: неужели это мы на голом месте построили? Целый город — 30 тысяч жителей у нас, в школах учатся три тысячи ребят, больница, аптеки, магазины. Все освещено электричеством, ходят поезда, автомобили. Громадные корпуса завода. Скоро уж и конец. Еще работы настоящей самое большее на год. Потом пойдет легкая — отделка, доделка, настройка. Пока я ни о чем думать не могу, кроме дела”.

Он не щадил себя. Кудиш часто уезжал в Наркомтяжпром, в другие ведомства, в Оренбург, в Самару и практически всеми делами на Бляве приходилось тогда руководить Евангулову. Не отличавшийся богатырским здоровьем (у него был порок сердца и суставной ревматизм) он почти не знал выходных дней. За четыре года работы на блявинской стройке Евангулов только один раз был в отпуске — после тяжелого сердечного приступа съездил в санаторий по настоятельному требованию врачей, пригрозивших в случае отказа сообщить Григорию Константиновичу Орджоникидзе.

“Он поистине являлся и мозговым центром строительства, — писал о Евангулове бывший начальник производственно-технического управления “Ормедзолото” Владимир Петрович Наумченко, который после первых арестов уволился и уехал на Украину и поэтому ушел. — Жил он, как и все, в простой крестьянской хате. Его рабочий день начинался рано утром и кончался глубокой ночью”.

Что касается ссылки на Горкина, то возьму на себя смелость утверждать, что этот деятель — первый секретарь Оренбургского обкома партии, лично причастен и к орским, и к блявинским, и к другим массовым арестам в Оренбуржье. “Большим подлецом” назвал его Сергей Миронович Франкфурт. Документы говорят о том, что с его согласия и при его участии начинался разгром Оренбургской областной партийной организации. Только по делу С.М. Франкфурта было арестовано и уничтожено 65 человек. По делу начальника Оренбургской железной дороги Георгия Васильевича Подшивалина — около 300. Можно только догадываться, какие бы он дал отзывы о Евангулове...

Как особо опасных врагов народа Кудиша, Евангулова, Маковского, Шейкина и других блявинцев судила Военная коллегия Верховного суда, судила, исходя из Постановления ЦИК СССР, принятого в спешном порядке 1 декабря 1934 г., в ночь после убийства Сергея Мироновича Кирова. По этому постановлению приговоры не подлежали обжалованию и приводились в исполнение немедленно. Судили по сфабрикованному от начала до конца обвинениям, основанным на “признаний”, полученных после жестоких истязаний, не имея вещественных доказательств.

Невозможно со спокойным сердцем читать многочисленные страницы разбухших до предела дел. Кудиш, Евангулов, Маковский и другие блявинцы недолго отпирались, категорически отрицающая свою причастность к контрреволюционной троцкистской организации. После того, как был аре-

стован и расстрелян начальник Оренбургского областного управления НКВД Наум Маркович Райский, не допускавший пыток, и на смену ему пришел настоящий палач старший майор госбезопасности (это звание соответствовало общевойсковому генеральскому званию) А.И.Успенский, начались изнуряющие ночные допросы, жестокие избиения заключенных, они стали призываться во всем, что внушали им следователи.

Вот строки из протоколов допросов Бронислава Юльевича Кудиша.

Следователь: Вы арестованы, как участник контрреволюционной троцкистской организации, по заданию которой проводили контрреволюционную работу. Намерены ли вы дать правдивые показания?

Кудиш: Да, я буду давать только правдивые показания. После возвращения из Швеции и Норвегии в июне 1935 г. я был завербован Пятаковым (деваться было некуда: в своих показаниях, выбитых на допросах, Г.Л.Пятаков среди многих других руководителей системы Наркомтяжпрома, которых он причислил к вредителям, назвал и начальника строек Орско-Халиловского промышленного района Сергея Мироновича Франкфурта, и начальника строительства на Бляве Бронислава Юльевича Кудиша.— В.А.). По моему заданию была создана диверсионная группа на медно-серном руднике, куда вошли Евангулов, Шейкин, Параньян, Вегнер, Ляпунов. Маковский тоже создал вредительскую группу, в которую вошли Веткасов, Юров, Лидов, Митин...

Дело №2790 по обвинению Павла Павловича Евангулова:

Евангулов: Меня завербовал Пятаков, с которым знаком с 1933 года. Он давал указание всячески задерживать строительство Блявинского комбината, сорвать пуск комбината в установленные сроки, наносить материальный ущерб путем бессменного и беспланового строительства, проводить недоброкачественные работы... В случае войны вывести из строя и рудник и медно-серный комбинат, как объекты оборонного значения.

Дело Георгия Константиновича Маковского:

Следователь: Следствие располагает материалами, что вы были не только антисоветски настроены, но и проводили активную контрреволюционную работу...

Маковский: Я мог бы еще сопротивляться, но понимая, в какую эпоху мы живем и как необходимо очиститься от скверны, я решил давать правдивые показания...

Фирма Оркла-Грубе была по существу акционером германской фирмы Симменс-Шуккерт. Через меня и представителя норвежской фирмы Барлинга поддерживалась связь с Германией...

В таком же духе давали показания и другие блявинцы. Они оговаривали не только себя, но и своих товарищей по работе, близких, друзей, хорошо понимая, что никому уже помочь не смогут...

Чудом оставшийся в живых один из блявинских инженеров рассказывал потом Нине Васильевне, что в последнем слове Павел Павлович Евангулов сказал, что никогда его и Кудиша Пятаков не вербовал в троцкистскую организацию, что его оговорили и что он всегда был честным и остается таковым.

...Лишь 2 сентября 1945 г., отбыв срок, как говорят, от звонка до звонка. Нина Васильевна Евангулова была освобождена из лагеря. В паспорте поставили штамп "39". Эти вроде бы ничего не говорящие цифры означали, что она может жить не ближе, чем за 101 километр от административных центров. Поселилась в Малой Вишере. С первого часа на свободе стала искать дочь и мужа.

А Жень и на воле хлебнула горя— и как дочь "врага народа", и в дни блокады, ожесточенных обстрелов и бомбежек Ленинграда. Полуживую, в дистрофическом состоянии вывезли ее по дороге жизни на "Большую землю". После победы вернулась в Ленинград, вышла замуж. К ним тайком, нарушая режим, приезжала Нина Васильевна. Подвергала этим опасности и себя и молодую семью (за укрывательство полагалась суровая кара: высылка в

Сибирь в 24 часа). Только в 1954 г. с огромным трудом удалось прописать Н.В.Евангулову в Ленинграде.

Теперь вместе писали во все концы, искали Павла Павловича. После долгих мытарств и проволочек получили короткий документ:

“Гр-н Евангулов Павел Павлович умер 27 сентября 1937 г. в возрасте 46 лет. Причина смерти — нет сведений”.

И тут не обошлось без вранья. Знали же причину смерти, но даже и дату ее исказили. Кудиш и Евангулов были расстреляны в ночь на 21 сентября. На следующий день погибли Маковский, Шейкин и другие блявинцы. Очевидно, как большинство других узников внутренней тюрьмы, они были захоронены, точнее, зарыты в глухом, самом дальнем углу Зауральной роши, там, где был огорожен сплошным высоким забором секретный объект НКВД (сейчас тут установлен памятник жертвам политических репрессий).

...Прошли годы, почти два десятилетия. В конце февраля 1956 г. в Москве заседал XX съезд КПСС. 25 февраля завершилось обсуждение вопросов повестки дня, избран Центральный Комитет. Осталось по традиции спеть “Интернационал”. Но совершенно неожиданно был объявлен перерыв. Поздно вечером на закрытом заседании съезда с докладом “О культе личности и его последствиях” выступил Никита Сергеевич Хрущев. Зал потрясенно ловил каждое слово сурового и мужественного доклада секретаря Центрального Комитета. На закрытых партийных собраниях коммунистов знакомили с секретным письмом ЦК. Помню, тогда вполголоса пели, перефразируя слова известной в те годы песни:

От края до края по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом,
Закрытые письма читает народ...

Летом было опубликовано постановление ЦК КПСС “О преодолении культа личности и его последствий”. Страна узнала страшную правду о годах и десятилетиях жестоких репрессий и беззакония. Стали возвращаться из лагерей те, кто выжил, кто уцелел — тысячи, сотни тысяч невинно заключенных. Во весь голос зазвучало справедливое слово “реабилитация”.

6 декабря 1956 г. Военный трибунал Южно-Уральского военного округа отменил постановление особого совещания от 21 ноября 1937 г. в отношении Евангуловой Нины Васильевны и дело о ней за отсутствием состава преступления было производством прекращено.

А летом следующего года Нине Васильевне вручили справку такого содержания: *“Дело по обвинению Евангулова Павла Павловича, работавшего до ареста главным инженером строительства Блявинского комбината “Ормедьзолото” пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 4 июня 1957 года.*

Приговор Военной коллегии от 21 сентября 1937 года в отношении Евангулова Павла Павловича по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Евангулов П.П. реабилитирован посмертно”.

Полностью сняты обвинения с Г.Л.Пятакова, А.П.Серебровского, С.М.Франкфурта, Б.Ю.Кудиша, Г.К.Маковского, Б.А.Шейкина, Г.А.Кузьмина-Караваева и других работников комбината “Ормедьзолото”. Спустя годы вернулись к нам их честные имена.

И не могу не сказать о документах и о людях, их написавших. Недавно дочь Георгия Константиновича Маковского Мария Георгиевна Маковская-Душкина прислала мне фотокопии трех документов. Первый из них — образец казенщины и равнодушия к судьбе человеческой, это справка Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 13 июня 1957 года. Она пол-

ностью, слово в слово, за исключением фамилии, повторяет тот документ, что получила семья Евангулова и другие семьи репрессированных.

Другой документ потрясает ложью и цинизмом. Это свидетельство о смерти от 13 декабря 1948 г., выданное Орским ЗАГСом. Официальный бланк с гербом РСФСР, а на нем написано:

“Гр. Маковский Георгий Константинович умер 12 марта 1945 г. в возрасте 45 лет... причина смерти— воспаление легких... место смерти— гор. Орск Чкаловской области”.

И еще одна странность: запись о смерти в соответствующей книге ЗАГСа сделана 27 июня 1946 года. Почему же через год с лишним? А выдано свидетельство еще спустя полтора с лишним года. Почему? Да потому, что все тут— гнусная ложь.

В справке, хранящейся в деле Г.К.Маковского, сказано:

“Приговор от 22 сентября 1937 года в силу Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года приводится в исполнение немедленно. Приведен в исполнение 22 сентября 1937 года”.

И было тогда Г.К.Маковскому 36 лет.

И еще об одном письме, написанном начальником секретариата Военной коллегии Верховного суда СССР А.Никоновым. Оно тоже о реабилитации и адресовано Марии Георгиевне Маковской-Душкиной. Письмо написано с позиций элементарной порядочности, человечности, сопереживания:

“Понимая глубину трагедии, постигшей Вас в связи с незаконным репрессированием Маковского Георгия Константиновича, примите искренние соболезнования”.

Дело отца, Павла Павловича Евангулова, достойно продолжила его дочь— Евгения Павловна, она стала инженером-металлургом, защитила кандидатскую диссертацию, до ухода на пенсию работала в НИИ токов высокой частоты. Она написала воспоминания об отце и его соратниках.

В отрогах Южного Урала между невысокими горами стоит зеленый город Медногорск, издалека видны огни медно-серного комбината. Но им, талантливым инженерам, опытным руководителям, прекрасным людям, начинавшим возводить его буквально на пустом месте, не дали довести дело до конца. Но я верю, что увижу их имена— на каменных плитах памятника, который будет установлен в светлой березовой роще, неподалеку от уральского берега. И верю, что эти самозабвенные люди с трагической судьбой никогда не будут забыты в заложенном ими городе.

Владимир Альтов